

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ АРТИСТ

Недавно в Центральном академическом театре Российской Армии произошло знаменательное событие. На одной из стен зрительского фойе Большого Зала, отведенной под портреты ушедших из жизни артистов, режиссеров, художников, в разное время служивших в ЦАТРА, появились фотографии заслуженного артиста РСФСР Павла Цитринеля и народного артиста РСФСР Игоря Ледогорова. Оба они отдали этому театру не один десяток лет, внесли существенный вклад в его летопись, но в силу разных обстоятельств в девяностых годах прошлого века покинули нашу страну: Павел Наумович уехал в Израиль, оттуда — в Канаду, а Игорь Вадимович оказался в Новой Зеландии.

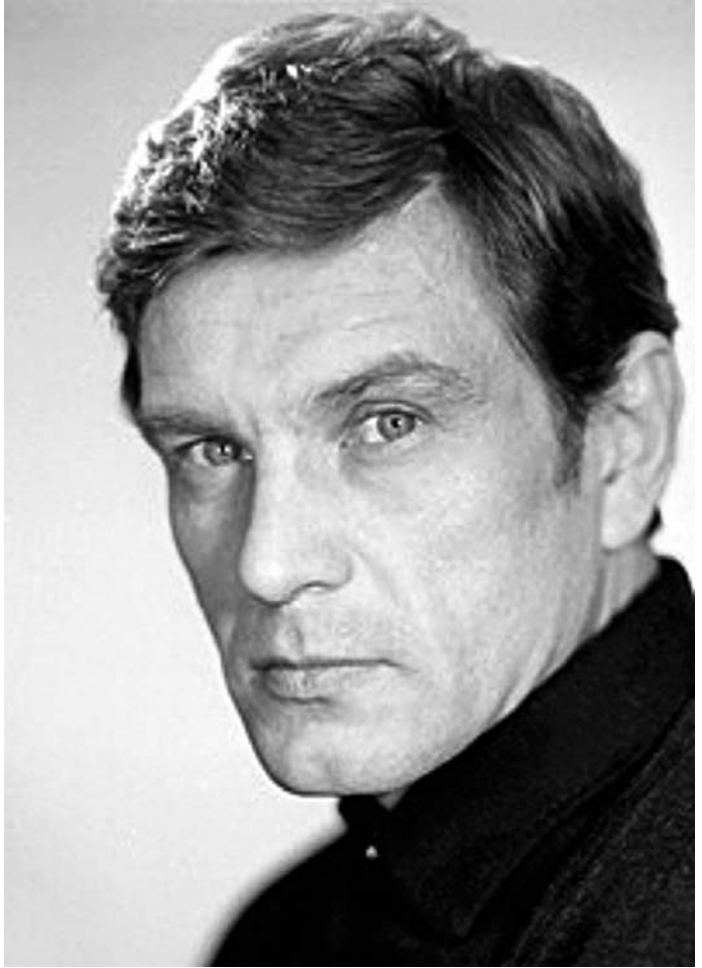
9 мая 2017-го **Игорю Ледогорову** исполнилось бы **85 лет**. Так что появление его фото в памятной галерее ЦАТРА представляется своеобразным «приношением» к этой «круглой дате» коллектива театра, где он пользовался неизменным уважением.

Его было за что уважать

Когда думаешь об Игоре Вадимовиче, то невольно сравниваешь его с легендарным голливудским артистом Гэри Купером. В первую очередь из-за внешнего сходства — высокого роста, поджарой фигуры, «чертиков» в светлых глазах. Да и манера актерского существования Ледогорова тоже отличалась аскетизмом, мужественной сдержанностью, полностью соответствовавшей фамилии Игоря Вадимовича, имевшей необычный, отчасти «скандинавский» оттенок. А еще — умением благородно, без пафоса воплощать на сцене и на экране тончайшие жизненные ипостаси нематериального, духовного свойства. В том числе: дружбу (и здесь, наверное, наиболее яркий пример — его Михай Груя из датированного 1976-м спектакля **Иона Унгуриану «Святая святых» И. Друцэ**, пронесший через долгие годы преданность товарищу детства, Кэлину Абабию) и любовь (взять хотя бы лирический дуэт Игоря Ледогорова с Галиной Польских в выпущенной в 1977-м картине **Гавриила Егиазарова «Портрет с дождем»**). Вдобавок почти все, кого довелось иг-

рать артисту, обладали редкой способностью с честью и достоинством выходить из любых испытаний, не изменяя при этом своим убеждениям. Так что его легко было представить в фильмах, подобных снятой Фредом Циннеманом картине «Ровно в полдень» (1952), где по сюжету шериф Гэри Купера практически в одиночку противостоял злу. К тому же, если бы кто-нибудь из отечественных режиссеров вслед за американцем Кингом Видором экранизировал бы роман Айн Рэнд «Источник», то лучшей кандидатуры на роль талантливого, но склонного к душевным компромиссам архитектора Говарда Рорка (также укрывавшей «послужной список» Купера), чем Ледогоров, не смог бы найти. Скорее всего, органично смотрелся бы Игорь Вадимович и в вестернах. И вообще, при свободном владении иностранными языками появившись он на Западе в молодости или в зрелую пору, вполне мог бы состояться и в американском, и в европейском кинематографе.

Хотя сам Ледогоров вряд ли ассоциировал себя с какими-либо мировыми знаменитостями и к громкой славе не

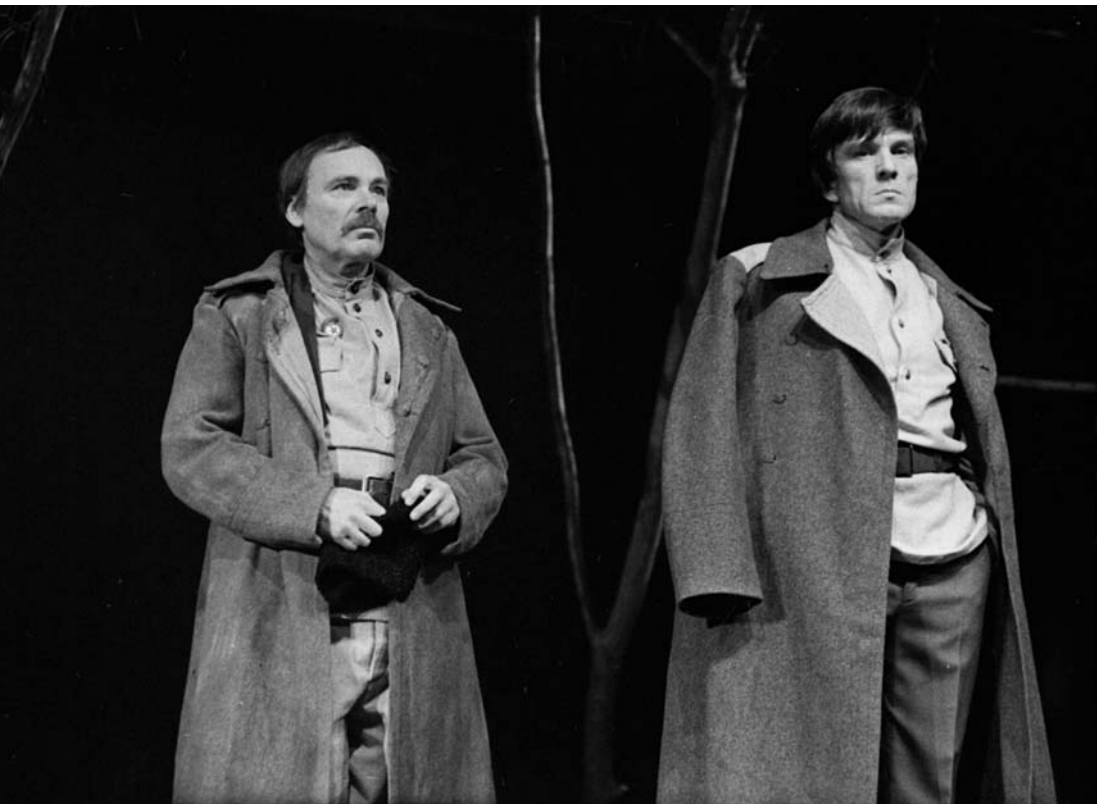

И. Ледогоров

стремился, принадлежа к немногочисленной категории артистов, которые никому не завидовали, радуясь тому, что имели сами.

И это несмотря на то, что и в кино, и в театре ему в основном поручали положительные, социального плана роли, как правило, не слишком почитаемые его товарищами по актерскому «цеху» по причине некоторой «пресности» данного материала. Но для Ледогорова это обстоятельство не было пробле-

мой. Ведь каждого из своих персонажей (включая пламенного революционера **Николая Баумана** из вышедшего в 1967-м одноименного фильма Семена Туманова, того же **Михая Грюю** с его высокими партийными должностями, прогрессивного философа **Томаса Мора** из «**Человека на все времена**» **Р. Болта**, поставленного И. Унгурияну в 1981-м) он наделял сложными характерами. Правом на сомнения и неизбежные ошибки. И, видимо, вовсе не случайно Ледо-

«Святая святых». Кэлин Абабий – Н. Пастухов, Михай Груя – И. Ледогоров

горов практически не пользовался гримом, как бы специально акцентируя наше внимание на том, что в большинстве этих героев многое было от него самого. Артиста с отчетливо выраженным личностным «стержнем», твердыми нравственными принципами и вместе с тем иронией, адресованной прежде всего себе, сначала получившему серьезное техническое образование и уже потом дипломом театрального института.

Произошли эти знаменательные для Ледогорова события в Ташкенте – втором по значению городе в биографии Игоря Вадимовича, родившегося в Москве 9 мая 1932-го и эвакуировавшегося в столицу Узбекистана в начале Великой

Отечественной войны. Там он вместе с будущим ведущим артистом Московского театра Сатиры Романом Ткачуком стал свидетелем съемок фильма Леонида Лукова «Два бойца» и принял в них посильное участие, передвигая по заднему плану манекены фашистских солдат.

Так в биографию Игоря Вадимовича вошла военная тематика, оказавшись со временем едва ли не центральной в его творчестве. И в связи с этим хотелось бы в первую очередь упомянуть о Рябинине из киноповести **Георгий Натансона «Они были актерами»** (1981) – режиссере, согласившимся сотрудничать с оккупантами и тем самым вызвавшим

ненависть окружающих, но на самом деле являвшимся руководителем подполья. Ледогоров сыграл его умно, содержательно, до определенного момента не раскрывая всех подробностей тайной деятельности своего Рябинина, образ которого наверняка был одним из самых любимых и у Игоря Вадимовича, и у зрителей, всегда относившихся к нему с уважением.

И было за что. В скандалах и интригах не участвовал. Излишней, зачастую вредящей репутации публичных персон откровенностью не страдал. Был верен одному театру — **Центральному академическому Советской** (с 1993-го — Российской) **Армии**, куда после непродолжительной службы в **Узбекском Русском драматическом театре имени М. Горького**, ленинградских театров имени **Ленсовета** и **Ленинского комсомола** пришел в 1971-м и которому отдал четверть века. В 1989-м удостоился высокого почетного звания «Народный артист РСФСР», но в мэтра в дурном понимании этого слова не превратился, сохранив интеллигентный, доброжелательный тон общения и с прессой, и с коллегами, и с так называемыми «технарями». И главное — остался открытым всему новому, что подчас неожиданно буквально врывалось в его, казалось бы, сложившуюся биографию.

Как случилось, скажем, с ролью Магнуса в «**Контракте на убийство**» по пьесе **Сл. Мрожека**, изначально предназначавшейся Владимиру Зельдину, который, проведя в 1988-м целый ряд репетиций, до премьеры не дошел. Так что Ледогоров как бы запрыгнул на подножку уже разогнавшегося поезда. Вследствие чего он чрезвычайно внимательно прислушивался к замечаниям и предложениям постановщика «**Контракта...**», знатока польской культуры Александра Вилькина, к советам партнера Федора Чеханкова, с интересом и волнением погружаясь в мало известную ему тогда стихию странной, «абсурдистской»

драматургии Мрожека, постепенно «оживая» ее парадоксальное «пространство», наполняя его собственной сердечной интонацией. И это у Игоря Вадимовича получилось. В итоге его с виду респектабельный Магнус предстал неприкаянным, никому не нужным существом, для которого выбранный им когда-то для постоянного проживания роскошный отель оборачивался едва ли не добровольной тюрьмой. А отношения с портье Морисом-Чеханковым — не интеллектуальной «дуэлью», но «диалогом» двух одиночеств, которые, как в воздухе, нуждались в общении и взаимном понимании.

Жаль, что эту работу Ледогорова — трагическую, открывавшую перед ним новые артистические горизонты, недооценили и критика, и театр, оставшийся равнодушным к оригинальной, во многом новаторской для армейских подмостков постановке в целом. Но участникам «**Контракта...**» их «детские» было дорого. И они много ездили со спектаклем по бывшему Советскому Союзу. Игорь Вадимович потом увлеченно рассказывал о теплом приеме «**Контракта...**» в удаленных от Москвы регионах, как, затаив дыхание, слушала и точно реагировала на лихо, почти детективно закрученные, психологически-тонкие перипетии сюжета зрительская аудитория.

Ледогоров неизменно дорожил этой связью с публикой, которую, честно говоря, удивил и огорчил в 1997-м решением уехать в Новую Зеландию. Но объяснение настоящего поступка естественным отцовским желанием поддержать сына — артиста и режиссера Вадима Ледогорова (в поставленном им чеховском «**Вишневом саде**» Игорь Вадимович даже сыграл Фирса), уже работавшему в этой далекой стране, отчасти смягчило горечь расставания.

Тем более что он еще приезжал в Москву для переозвучивания фильма «Через тернии к звездам» (1980) и даже появил-

ся в эфире одного из центральных телеканалов. Отменно выглядел. Отвечая на вопросы ведущего передачи, ни о каких трудностях своего зарубежного бытия не распространялся, а наоборот, старался сфокусироваться исключительно

на его позитивных моментах. Благодаря этому хотя бы на короткий период времени подарил ощущение полноты жизни и уверенности в том, что и у нас обязательно все будет хорошо. Таким и запомнился.

«Дружба с ним была подарком судьбы...»

Одним из тех, кого с Игорем Ледогоровым связывали особые, доверительные отношения, — народный артист России **Артем Каминский**, для которого, по его собственному признанию, дружба с Игорем Вадимовичем, как бы пафосно это ни звучало, была «подарком судьбы»:

— Время идет. Мелочи сами собой уходят, а главное постепенно выкристаллизовывается. И сегодня я понимаю, что именно Игорь Ледогоров был своеобразным, очень ярким наставником в моей биографии: и профессиональной, и человеческой. Своего рода, вторым отцом.

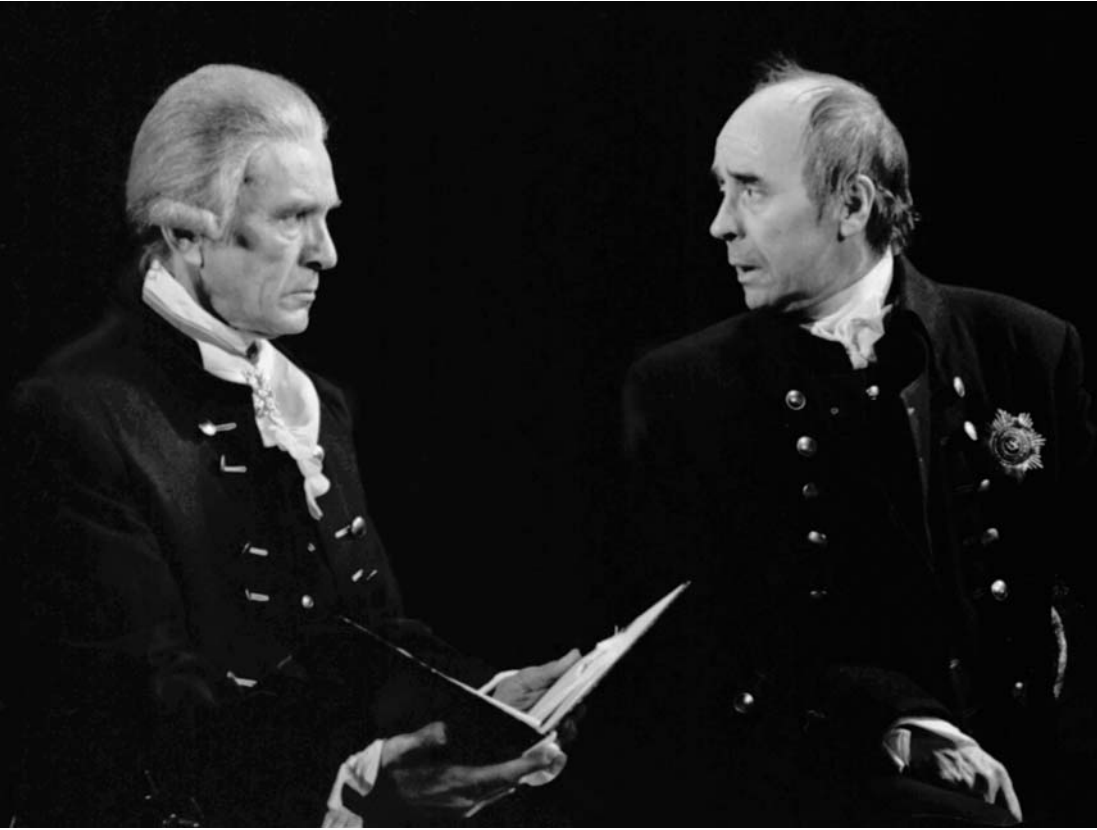
Мы же и сблизились с Игорем Вадимовичем на спектакле «Загнанная лошадь» по Франсуазе Саган, в котором я играл жениха дочери его персонажа. А потом он мне предложил сделать с ним что-то вроде самостоятельной работы — спектакль по пьесе Славомира Мрожека «Контракт». И я согласился. Хочу сразу уточнить, что тот «Контракт» не имел ничего общего с «Контрактом на убийство» в постановке Александра Вилькина, который шел в нашем театре и почему-то очень быстро был снят с репертуара. Прежде чем приступить к репетициям, мы с Игорем Вадимовичем советовались с Федором Чеханковым — его партнером по «Контракту на убийство». Федор Яковлевич одобрил эту идею и даже меня благословил....

Наш спектакль мы назвали «Отель

«Резиданс»». Игорь Вадимович сделал собственную редакцию пьесы Мрожека. Он был меломан и с увлечением занимался также музыкальной партитурой, составленной в основном из любимых и досконально изученных им джазовых произведений. Придумал Игорь Вадимович и то, что у нас в спектакле обязательно должен быть танец и специально пригласил для этого балетмейстера Александра Гродницкого. Мы не считали наше начинание антрепризой, хотя играли «Отель...» и в провинции, и даже у нас, на Малой сцене Театра Российской Армии. Естественно, не имели никакого коммерческого успеха. Но мы к нему и не стремились. Нам просто было интересно.

Удалось показать спектакль и в Новой Зеландии. В Окленде и в Веллингтоне. Приходили русскоговорящие зрители. Благодарили нас. Я приехал тогда всего на неделю. Хотелось многое посмотреть. Но Игорь Вадимович сказал: «Будем репетировать!» И спорить с ним было бесполезно. Мы репетировали.

В Веллингтоне я пережил одно из самых сильных эмоциональных впечатлений в жизни. По сюжету пьесы в финале герой Ледогорова умирает. А перед этим мой персонаж уходит. Так вот, я произношу свои реплики, смотрю на Игоря Вадимовича и вдруг начинаю ощущать некое смещение границ игры и реальности, понимая, что в тот момент я с ним... прощаюсь. Творчески.

«Павел I». Бенигсен — И. Ледогоров, Павел I — О. Борисов

Как артист с артистом. И хотя мы еще виделись, он приезжал в Москву, но на сцене мы и в самом деле были вместе в последний раз. Забыть то ощущение невозможно. Наверное, ничего подобного со мной больше не произойдет.

И вряд ли я встречу человека такого масштаба, как Игорь Вадимович Ледогоров. Такой образованности, которая и меня обязывала больше читать и постоянно стремиться к новым знаниям! Такого удивительного такта! Он же действительно никогда ни о ком не говорил плохо. Мог кого-то внутренне не принимать, но высказывать вслух подобный негатив себе не позволял. Но если уж к кому был расположен, то отдавал

ся этому душевному порыву целиком. Я никогда не забуду, как необыкновенно тепло он относился к Федору Яковлевичу Чеханкову. Казалось бы, они были такие разные: по актерским «школам», по складу характеров, да по всему. Но я видел, как они общались! Как близки они были духовно! Как любили театр!

Это вообще были какие-то другие люди: Игорь Вадимович, Федор Яковлевич, Марк Наумович Перцовский, Лев Георгиевич Шабарин, который после каждого спектакля «Счастье мое...», где мы вместе с ним играли, писал мне письма с замечаниями, предложениями, обширными, как я потом понял, цитатами из книги Михаила Чехова... И — недав-

«Святая святых». Михай Грля — И. Ледогоров, Мария — И. Демина

но ушедшие Николай Исаакович Пастухов, Владимир Михайлович Зельдин, Юрий Данилович Комиссаров... Какое счастье, что мне и всему нашему поколению пришлось с ними встретиться! И хотя бы что-то от них перенять. А они в свою очередь взяли многое от Андрея Попова, от Пестовского, от Ходурского... И как могли хранили дух нашего театра, отрыв от которого Игорь Вадимович переживал очень остро.

Так получилось, что его переезд в Новую Зеландию в 1997-м совпал с трудным, проблемным периодом не только для театра, но и для всего общества. И Игорь Вадимович не был исключением. К тому же перед ним стояла дилемма. В ЦАТРА у него было мало работы, а если бы появилась новая хорошая роль, может быть, он бы и не уехал. И вместе с тем он очень хотел поддержать сына Вадима, у которого тогда уже начало многое складываться в Новой Зеландии в профессиональном отношении...

Отъезд Игоря Вадимовича — это особая, отдельная история. Я был рад, что мог ему помочь. Все-таки у меня тогда была машина и все, что касалось каких-то перевозок, был в состоянии Игорю Вадимовичу облегчить. И одновременно — лишний раз с ним пообщаться... Порой я становился свидетелем курьезных и вместе с тем чрезвычайно трогательных моментов. К примеру, первым делом Игорь Вадимович отправлял книги. Иногда одни и те же он брал в двух экземплярах, и переубедить его было невозможно: раз ему нужно, значит так и должно быть. Или — он никак не хотел расставаться со своим диваном. За те деньги, которые пришлось платить за переизбыток веса, он мог в Новой Зеландии купить не один диван, но ему нужен был именно **его** диван. Он говорил: «Я без этого дивана не могу. Если его не будет, на чем же я буду сидеть и читать?» И в этом, мне думается, весь Игорь Вадимович, которому в Новой Зеландии жилось очень непросто.

Да, рядом была семья — супруга, сын, бесконечно любимые внуки. Но ничто не могло заменить ему театр. И он использовал любой шанс для профессиональной реализации. Ради того, чтобы выйти на сцену он даже летал из Новой Зеландии в Америку, где они встречались со специально прилетавшей из Москвы нашей замечательной актрисой Натальей Владимировной Рудной и показывали свой проект. Сыграл он и Фирса в поставленном Вадимом чеховском «Вишневом саде». Но этого Игорю Вадимовичу было мало. Хотя он не жаловался. У меня сохранились его письма. Хорошо, что тогда не была столь распространена электронная почта, и их можно периодически перечитывать. В них Игорь Вадимович предпочитал не сетовать, а подробно рассказывать об особенностях Новой Зеландии. О том, что вода в кране там течет в «обратную сторону», так как в Новой Зеландии совсем другие полюса, нежели у нас, в России. И о том, что звезды там светят по-другому. О том, что в Новой Зеландии не Большая Медведица, а Южный Крест...

Игоря Вадимовича не стало 10 февраля 2005-го. Буквально за несколько дней до конца он мне позвонил, и мы долго разговаривали.... И это несмотря на всю тяжесть болезни — рака крови, сделавшего его уход очень тяжелым. Конечно, Игорь Вадимович был окружен заботой близких людей, хорошим уходом медицинского персонала. Но он не знал английского языка, и это сильно осложняло ситуацию. Однако мне потом уже после похорон Игоря Вадимовича признался Вадим, что сестры и врачи догадывались о профессии его отца. По достоинству, с которым он держался, по изысканности, даже какому-то аристократизму его манер, по культуре общения они понимали, что перед ними артист. Большой русский артист.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН